

Виктор ПОДКОВА

РЫБКИНА КОНТОРА

№ 10

30

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 10. 1—48

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Если при встрече с бюрокра-
том я что-нибудь записываю, тот
думает, что его берут на каран-
даш. А его берут на шариковую
ручку...

В. Мочалов

Фельетонист Виктор Подкова родился в 1974 году в журнале «Крокодил». Именно тогда был опубликован его первый фельетон «Пожалуйста бритесь!». После этого он написал около двухсот фельетонов и около двух повестей. Причем около ста фельетонов умудрился напечатать. Что касается повестей, ни одной из них напечатать он не умудрился. Хотя целых шесть лет обучался этому искусству на заочном отделении прозы Литературного института имени А. М. Горького СП СССР.

Остается добавить, что до этого В. Подкова родился в 1948 году на Урале. Как и всякий средний человек, учился в средней школе г. Красноуфимска Свердловской области, затем на механико-математическом факультете Пермского университета. Но математиком так и не стал. Хорошо это или плохо — судить читателям.

20 коп.

Индекс 72996

30

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 10. 1—48

№ 10

ISSN 0132-2141

Виктор ПОДКОВА

РЫБКИНА КОНТОРА

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 10

(1070)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Виктор ПОДКОВА

РЫБКИНА КОНТОРА

Фельетоны, рассказы

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989**

ТЕМА С СЕКРЕТОМ

Разные письма приходят в редакцию. А фельетонист должен на них реагировать. Вот напишешь что-нибудь, вскроешь недостаток, а его бывший обладатель у редакции тебя поддежуривает и по телефону грозит уши не отрезать, а оторвать. Фельетонисту, конечно, не привыкать, и от него не очень убудет, но и ему без ушей скучно.

Впрочем, письма на этот раз — одно другого скучнее. Вот зачем-то вложен в конверт отчет кафедры физики одного технологического института по хозяйственной теме. Что в нем интересного для фельетониста? От одного названия темы в сон клонит: «Исследование оптических характеристик гетерогенных структур». Хотя авторы письма норовят заинтересовать: отчет, мол, целиком списан с готовой документации. Ну, это бывает. Эйнштейна тоже обвиняли в плагиате. Но тут глянул я в графу «сметная стоимость» — и сердце подпрыгнуло. 150 тысяч рублей! Зарплата приятно обозначена отдельной круглой цифрой — 40 тысяч.

Вчитываюсь внимательно в научный отчет. Все правильно. Очень аккуратно списали его товарищи ученые с паспортов приборов: спектрофотометра и ионного лазера. И схемы этих приборов один к одному в отчет перерисованы. Видимо, для ускорения научно-технического прогресса. Даже выводы ничем от паспортных не отличаются. Приборы, дескать, позволяют «быстро и весьма точно оценить качество пленочных покрытий, измерить их оптические параметры» и т. д.

Что это из себя представляет в переводе на русский язык? Ну вот вы покупали когда-нибудь телевизор? Значит, покупали и паспорт к нему. В паспорте про телевизор все написано, будто про человека. Мол, нажмешь левую кнопку — увидишь, с кем путешествует по миру Юрий Александрович Сенкевич, нажмешь правую — узнаешь: что, где и даже когда. Еще есть сведения о том, как этот телевизор тушить, по какому адресу подкарауливать телемастера, сколько раз в неделю менять кинескоп. Вообще паспорт — очень полезный документ. Но все же вряд ли кому взбредет в голову выдавать его за научный отчет.

Правда, товарищи ученые тексты паспортов слегка подредактировали и сократили, как, скажем, поступают в редакциях с фельетонами. Кроме того, затратили определенные усилия на перепечатку 20 машинописных страниц отчета. А машинистки нынче по 50 копеек за страничку берут.

Выходит, эти самые отчеты — редкостная работа. И заработок подходящий, и уши в безопасности. Да за сорок тысяч я им такое напишу — пальчики оближут! Подумаешь, ионный лазер — приборчик размером с клетку для канарейки. Тут масштаб требуется. Скажем, электронно-вычислительная машина последнего поколения. Элегантная, загадочная, с двадцатью миллионами ячеек и аналоговым принципом. У нее и паспорт многотомный, как уголовное дело о хищении государственных средств в особо крупных размерах. И схема площадью с полгектара. Если такую перерисовать в отчет, да еще пустить по краям орнамент из тройных интегралов — неотразимо получится. И вывод можно сделать неотразимый. Машина, мол, позволяет быстро и весьма точно решить Великую теорему Ферма в предгильбертовом пространстве. Вот сейчас я это просто так напишу, а мог бы — за сорок тысяч.

Тут, признаться, мне страшно стало. Как же они, растяпы, такой документ из недр института выпустили? Ведь какой-нибудь злопыхатель им завладеет и... Впрочем, это только копия. Главное, чтоб оригинал бдительно сторожили.

Короче, не теряя времени, мчусь в институт, прямо к ректору Букину.

— Отчет? — сузил глаза Игорь Александрович. — Это документ секретный. Его запрещено показывать.

— Кто же запретил?

— Начальник главка.

Звоню начальнику. На восьмой день он оказался незанятым. Спрашиваю, как бы отчет посмотреть.

— Это очень просто, — начальник объясняет. — Пусть ваше руководство обратится ко мне с письмом за круглой печатью, осветит круг интересующих вас вопросов. Я рассмотрю в положенные сроки, наложу резолюцию.

— А без печати, — спрашиваю, — нельзя? Или, например, без резолюции?

— Да уж нельзя... — Начальник вздыхает.

Это, думаю, интересно. Тылы тут надежные. С таким прикрытием и побольше сорока тысяч не страшно хапнуть. Неужто, думаю, зав. кафедрой физики Гришин это не сообразил? А еще доктор наук и профессор. Чему такой педагог студентов научит?.. Ладно, бегу к Гришину, высказываю соображения. А он вдруг чуть не всю кафедру собирает. Объясняет, что он руководитель темы, а они — соучастники «исследования». Тут и ответственный исполнитель, и руководитель раздела, и старший инженер да плюс еще простые инженеры с лаборантами.

Значит, соображаю, в одиночку сорок тысяч не возьмешь. А жалко. Кроме того, отчет завизирован начальником научно-исследовательского сектора института Курсиным, деканом Филатовым, а утвержден проректором по научной работе Дьяковым. Если все в долю войдут, тут и на оплату машинистки не останется...

— А вы думаете, все так просто? — Гришин усмехается. — Кстати, вот он, критик, сидит! Опять, наверное, пишет, что мы государственные деньги разворовываем!

Оглянулся я — и правда, сидит один из авторов письма в редакцию, доцент кафедры физики, и чего-то записывает. Тут я смутился.

— Да не бойтесь! — Гришин опять усмехается. — Мы его быстро на место поставим всем коллективом.

Понятно, не зря ведь Гришин доктор и профессор. Соображает. На всех денежки хоть и жалко делить, зато коллективом потом от любой жалобы закроешься. Наконец, не одна же хоздоговорная тема № 8120 институт кормит. Подумаешь, сто пятьдесят тысяч! Таких работ в институте хватает.

В справке комиссии, работавшей по заданию Минфина, про тему 8120 сказано: «Отчет за первый год работы состоит из пяти глав, которые представляют собой литературный обзор. Отчет за второй год представляет собой описание принципа действия и методики работы на установке «Радуга-2», заимствованных из заводской документации к прибору. Отчет за третий год состоит из описания серийно выпускаемых приборов производства ГДР: спектрофотометра и ионного лазера».

Тут хоть понятно: отчет из себя что-то вроде бы представляет. А вот, например, о теме № 8407 прямо сказано: «Материал изложен так, что трудно оценить, что же сделали сами исполнители работы». Тем не менее заказчик, завод искусственных кож, оценил. И сполна заплатил денежки. Отчет по теме 8120 оценивал куда более солидный заказчик — научно-производственное объединение «Фотон». Поэтому и оценка выглядит солидно: «Работами, выполненными в одиннадцатой пятилетке НПО «Фотон» и институтом, заложена экспериментальная база, на основе которой разработана Региональная программа общегосударственного значения».

Это, кстати, цитата из ответа на письмо бывшего доцента Савиной. Ох, сколько же здесь бывших! И все куда-то жалуются. Даже, пока еще не «бывший» зав. кафедрой, доктор наук, зам. председателя Центрального правления научно-технического общества профессор Костылев. Несколько лет взывает к различным высоким инстанциям: «Пресеките, граждане, разворовывание государственных средств в нашем институте!» Ладно, пусть себе взывают, никто их вроде и не слышит. Вот только надежно ли они к ногтю прижаты? И снова заинтересовавшись, направился к секретарю парткома института Мудриенкову.

— Да что вы! — секретарь восклицает. — Мы этих «критиков» из пар-

тии исключать не успеваем. А главный из них — Полумеров, бывший доцент кафедры политэкономии.

И выписку из протокола заседания парткома мне показывает. Того, на котором Полумерова из партии исключали. Выступление секретаря парткома там тоже есть. И обвинения в адрес исключаемого самые серьезные: «Не участвует в строительстве коммунизма, не борется за создание материально-технической базы, не служит примером коммунистического отношения к труду...»

— Как же, — интересуюсь, — он может служить и бороться, если его более двух лет назад из института выгнали?

— Это же далеко не все! — секретарь опять поясняет.

Оказывается, еще работая в институте, Полумеров опаздывал на занятия. Потом чуть не был пойман зав. кафедрой политэкономии при попытке нанести государству ущерб в 10 копеек путем присвоения библиотечной брошюры. А как-то его собака нехорошо посмотрела при встрече на парторга указанной кафедры Бодреева. Наконец, как сказано в документе, Полумеров «в так называемой борьбе с коллективом института... запугивает, шельмует руководителей, искажает факты в своих жалобах в различные инстанции».

Это, думаю, прекрасно. Значит, на прием к министру уже не стоит пробиваться. Ведь в официальном ответе на одну из жалоб он тоже пояснил, что позиция Полумерова «пришла в противоречие с общественным и профессиональным долгом члена КПСС, вузовского педагога, преподавателя общественных наук».

Другой бы, может, не понял. Другой бы заспорил: вскрывать, мол, недостатки — и есть общественный долг. А я не заспорил. Нехорошо спорить с министрами. И с коллективом целой кафедры — тоже. Этот дружный коллектив никому не одолеть, сколько против него ни борись. Смущала только еще одна инстанция — ОБХСС. Уж больно там любят коллективы. Правда, терминология у них своеобразная: того гляди, переименуют коллектив в преступную группу. В общем, позвонил в ОБХСС, почву прощупал. Они темой № 8120 уже сколько лет занимаются. Может, успели за это время паспорта ионного лазера и спектрофотометра прочитать и сравнить с отчетом по теме 8120.

— Что вы, это же наука! — успокоили блюстители закона. — Там в одних терминах заблудишься.

Правда, недавно опять события произошли. Горком КПСС восстановил Полумерова в партии. Проректор Дьяков и зав. кафедрой физики Гришин оставили свои руководящие посты и трудятся простыми профессорами. Так сказать, целиком посвятили себя воспитанию подрастающего поколения в разрезе приобретенного опыта.

Хотел я, правда, еще в прокуратуру позвонить, куда Полумеров тоже неоднократно обращался. Но прочел ответ прокурора и раздумал. Ответ приходится родным братом многочисленным отпискам, сочиненным руководителями разных рангов: «В настоящее время в институте прово-

дится повторная ревизия с целью установления суммы ущерба при раз-
ботке и внедрении хозяйственной темы 8120».

Кто же теперь знает, может, не исключена и третичная ревизия.
А уж в паспорте на электронно-вычислительную машину и прокуратура
лет на десять заблудится. Или хотя бы на пять. Но потом, возможно, от-
четы раскроют и назовут вещи своими именами?

РЫБКИНА КОНТОРА

Ловись, БРАКОНЬЕР!

В сейфе начальника управления «Рыбвод» Семенова, командующего
всеми рыбинспекторами региона, хранится памятный булыжник.

— Браконьеры в окна швыряют,— грустно усмехнувшись, объясняет
хозяин кабинета.— Такая вот у нас работа.

Работа действительно такая. Если в начальника целят простым бу-
лыжником, то за рядовым рыбинспектором, бывает, и с топором пого-
няются, и с ружьем поохотятся. Тем более что в минувший сезон пого-
ловье браконьеров подскочило сообразно поголовью красной рыбы, ко-
торой, как утверждают местные старожилы, они столько не выдывали за
последние двадцать лет. В акте рыбинспектора Заречного района отме-
чалось даже, что некий «гражданин Буров производил лов кеты и горбу-
ши руками».

Конечно, не все браконьеры примитивно хватали рыбу руками. Ис-
пользовались и технические средства: сети, сачки, остроги и даже ору-
дия сельхозтруда. Например, работники совхоза «Юбилейный» мирно
переходили вброд малую речку, но подверглись нападению огромных,
как акулы, кетин и горбушин. И были вынуждены отмахиваться вилами.
В результате они не только спасли свои жизни, но и заготовили целый
бидон икры, который для пущей сохранности закопали в землю...

Браконьерство — занятие столь увлекательное, что к нему тянутся са-
мые разные люди. Среди них тунеядец со стажем и старший инженер
Всесоюзного объединения, армейский капитан и работница школы ис-
кусств. Не усидела дома даже пенсионерка Молотницкая. Она прервала
заслуженный отдых и, вооружившись сачком, отправилась промысливать
икряную горбушу на нерестовом ручье Безымянном.

Кстати, каждый из них выудил не две-три рыбки, а нанес государству
ущерб от одной до восьми тысяч рублей. Но никто из пойманных брако-
ньеров не перещеголял лесника Маслова. Он заготовил семь бочек гор-

буши и 30 банок икры, обворовав государство на двадцать пять тысяч рублей. А самым неудачливым оказался тракторист лесхоза Урахманов. Как говорится в акте, он был так пьян, что вспарывал самцов, но икры из них, конечно, не добыл. Протрезвившись, он понял свою ошибку и даже осознал вину, но, правда, только частично — в том смысле, что «поддавать не надо было». Тем не менее ему пришлось заплатить по 30 рублей за каждую загубленную рыбину, как и положено по закону.

В общем, управление потрудилося на славу. Благодаря ему браконьеры общими усилиями возместили государству ущерб в сотни тысяч рублей. Если вычестъ из этой суммы три рубля за разбитое булыжником стекло в кабинете начальника, итог все равно будет весомый. И это немаловажно потому, что «Рыбвод» — организация хозрасчетная.

— Вот такая арифметика, — закончил довольный начальник. — Уж мы-то государственную копейку считать умеем!

Ваш корреспондент взял на себя смелость проверить эту арифметику.

ЛОВИСЬ, РЫБИНСПЕКТОР!

Гасли последние звезды. Солнце еще дремало за дальними сопками. Океан, надсадно дыша, нагонял на побережье излишки тумана, которые затрудняли наблюдение. Патрульная бригада во главе с райинспектором Мурзиным, стараясь не шуршать древовидным папоротником, подкрадывалась к устью нерестовой реки. Вдруг из-за поворота прямо на них нахально, без опаски вырулила автомашина марки «Урал».

— Стой, браконьеры!

— Это кто браконьеры? — осведомились из «Урала». — Да мы сами инспектора!

Действительно, как отмечено в представлении Мурзина прокурору, из машины были извлечены: младший инспектор Дюков, общественный инспектор Лосин, 390 голов кеты, капитан воинской части Олехов, две рыболовные сети, водитель той же части Гамидуллин, две резиновые лодки и прочее по мелочи.

— Патрулируем, товарищ районный инспектор! — не моргнув глазом, соврал начальству Дюков. — Засекли браконьеров, но они смыслись. На месте преступления изъяты сети и рыба.

— А где протокол изъятия?

— Ой, — вторично соврал Дюков, — не успели составить.

— И права не имели. Вы ведь сейчас в отпуске. Поэтому составим сейчас на вас представление в прокуратуру.

Когда взвесили кету, ее оказалось около полутора тонн, ущерб государству составил примерно 11 тысяч рублей.

— Видно, Дюков — передовой инспектор, — догадливо прокомментировал событие начальник «Рыбвода», — к сентябрю уже выработал все «беговые».

Эта реплика требует пояснения.

Инспектор бежит — ловит браконьера. Тот возмещает ущерб государству, скажем, в сумме ста рублей. Около тридцати процентов этой суммы в виде премии получает инспектор, но не более пяти месячных окладов в год. После выработки этих пяти окладов уже совсем не интересно бегать и подстерегать браконьера в предрассветном тумане. «Беговые» получены. И он ходит спокойно, прогулочным шагом. Или, как Дюков, сам подается в браконьеры. Может быть, поэтому «Рыбводу» дали лукавое прозвище «Рыбкина контора»?

Не ловись, СОВХОЗ!

Сначала он и в самом деле чуть было не поймался. То есть в акте райинспектора было прямо сказано: «В зоне распространения навозной жижи наблюдалось значительное количество лососевых — симы и горбуши, которые в беспорядке метались в воде, плыли кверху брюхом, выкидывались на берег. По обоим берегам реки обнаружено 232 погибшие особи. На момент проверки пятно жижи протяженностью около 2 километров двигалось к устью».

Откуда же в нерестовой реке взялась эта агрессивная примесь?

Опять же, не затемняя дела, инспектор Янов определил, что совхоз содержит поблизости свиноферму и через специальную трубу расточительно смывает ценное органическое удобрение прямо в нерестовую реку. Правда, не круглый год. Инспектор зафиксировал в акте, что за несколько дней до несчастья «эта труба была перекрыта щитами и завалена грунтом с целью прекращения доступа навозной жижи на период захода и нереста лососей». Не правда ли, трогательное экологическое мероприятие? Правда, изучая акт, трудно определить, кто больше виноват — то ли хлипкие щиты, то ли сыпучий грунт. Во всяком случае, про вину руководства совхоза в акте ничего не сказано. Наоборот, инспектор с восторгом отмечает: «Под руководством директора Мазова сброс жижи примерно через час был ликвидирован». Такая расторопность, конечно, похвальна, но, пожалуй, похвальнее было бы вообще не допускать сброса.

Ну, а вскоре произошло новое лихо. И теперь инспектор Янов создал акт уже совместно с директором совхоза. Короткий, но впечатляющий: «В нижнем течении реки обнаружена массовая гибель рыбы — горбуши. При подсчете ее оказалось десять тысяч штук... Стоков навозной жижи не наблюдалось. Вода в реке визуальна чистая. Причина гибели рыбы неизвестна».

Вот и получилось, что вода визуальна чистая, а дело визуальна темное. Значит, виновных вроде бы и нет. Поэтому инспектор воздержался от экстренных мер. Хотя имел право огреть директора совхоза солидным штрафом. Или даже передать на него дело в прокуратуру.

Тем бы оно, наверно, и кончилось, но крепко подкузьмила соавторов

акта местная ветлаборатория, куда были направлены пробы воды, а также несколько усопших рыбин. С одной стороны, эксперты согласились, что «причина неизвестна», а с другой — вернули фразу о том, что концентрация аммиака в воде в 80 раз превышает предельно допустимую. «Хоть бы понюхали воду-то, — внутренне застонал начальник «Рыбвода», получив акт. — Ведь от нее за версту удобрением несет! А откуда же ему взяться, как не с полей и ферм того же совхоза?»

В самом деле, кто же теперь поверит акту инспектора? Прокурор ведь спросит: почему сразу же не схватили за руку директора совхоза? И на чей счет отнесли убытки? А они немалые. Одна загубленная рыбина стоит 30 рублей, а тут погублено аж 10 000!

Вот такая получается арифметика. Теперь утверждение начальника «Рыбвода» о том, что он умеет считать государственную копейку, представляется сомнительным. «Рыбкина контора» с резвостью барракуды ловила браконьеров-одиночек и стыдливо потупляла глаза, когда браконьерствовал целый совхоз.

Оно, впрочем, и понятно. Браконьер все равно заплатит денежки, деваться ему некуда, а заводить тяжбу с государственной организацией — хлопот не оберешься.

Спрашивается: кому выгоден такой «хозрасчет»? Правильно, только самой конторе, но уж никак не государству. Тем не менее «Рыбвод» почиает на лаврах, предвкушая, сколько браконьеров он выловит в следующий сезон...

ДЕЛАЙ ЛУЧШЕ НАС!

Представим себе, читатель, товарищей Иванова, Петрова и, наконец, Сидорова. Морально устойчивых. Политически грамотных. В коллективе пользующихся авторитетом. Представим еще, что решили они вознаградить себя заслуженным отдыхом в конце трудовой недели. И погрузились в поезд «Турист», отправляемый волею совета по туризму и экскурсиям на лоно природы.

Ну, и поехали они, скажем, в вагоне № 12.

Но вскоре, допустим, организм тов. Иванова затребовал граммов двести пятьдесят воды. И вот начинает он с повышенной скоростью передвигаться вдоль состава, поминая проводников недобрым словом. Отчего бы это? Да оттого просто, что в вагоне № 12 нет питьевой воды. И в вагоне № 11 — тоже. И в вагоне № 10. А в вагоне № 9 есть только портвейн № 72. Поскольку вагон этот называется вагоном-рестораном.

— Портвейн этого номера стоит у нас четвертной, — вежливо объясняют в ресторане. — Дороговато? Так ведь для нас обходится еще дороже — три года с конфискацией.

Тогда тов. Иванов устремляется, скажем, на кухню. Уж на кухне, чувствует, вода есть. И точно, есть. Правда, на кухню не так-то просто проникнуть по ряду причин. Например, лужи. А дым и чад такие, что воротит без противогоза. Наконец, посторонним вход запрещен.

Но, допустим, тов. Иванов проник. Ибо не совсем-то он посторонний. Все же он директор треста «Желдорресторан». И командует всеми вагонами-ресторанами.

Ну, проник и, допустим, слегка остолбенел. Скажите, отчего может остолбенеть директор желдорресторанов? Оттого, что вдруг обнаружил, в каких условиях трудятся повара, завпроизводством и кухонные рабочие? Или оттого, что, наоборот, не обнаружил в запасах пищеблока даже лука, не говоря уже о перце, горчице и прочих специях? Нет, просто оттого, что увидел, чем его могут накормить, приняв за рядового пассажира...

Но вот, слава богу, приехали на лоно природы. И тут в душе, например, упомянутого выше тов. Петрова что-то сдвинулось. Нет, ничего страшного — дело всего лишь в том, что ему на выбор предлагали сразу два мероприятия. Мероприятие № 1 было прямым следствием того, что в вагоне № 9 кончился портвейн № 72, и заключалось оно в поиске немаркированной жидкости местного розлива, проще говоря, самогона. Надо признать; трезвая душа тов. Петрова сразу отринула это мероприятие. И целиком раскрылась навстречу другому — коллективной пляске у костра.

И вот, покинув вагон, начинает тов. Петров прыгать и скакать у огромного искросыпительного костра. Ну, зачем, скажите, уважаемому человеку резвиться таким образом? А просто за компанию. И как же тут не скакать, когда вокруг сплоченно скачут человек триста? И сшибаются друг с другом на всем скаку — вот-вот кого-нибудь в костер невзначай столкнут. Тем более, что многие из них побывали уже на мероприятии № 1. В общем, похоже это на ритуальный танец дикарей, а отнюдь не на массовый хоровод, который имели в виду организаторы... Хотя и разносятся на всю округу диковатые выкрики руководящей кучки инструкторов: «Делай с нами! Делай, как мы! Делай лучше нас!»

Приходится делать. И лучше не объявлять, что ты, скажем, зам. председателя совета по туризму. Не услышат. А если услышат, спасибо не скажут. Поэтому тов. Петров и не объявлял.

Ну, а тов. Сидоров, также названный вначале, организмом крепок и душой неподатлив. Сидел он, допустим, уединившись в купе, и ни в какие мероприятия не встречал. Ну по какой, скажите, причине товарищ может заточить себя в купе? А, например, по той причине, что он является начальником вагонного депо. Он сам отправляет эти вагоны и понимает, что передвигаться по составу — занятие не из приятных. Он

знает, что вагоны не ремонтированы с самого рождения, а не мыты, наверно, целый год, хотя полагается это делать перед каждым рейсом.

Наконец, в воскресенье вечером поехали обратно. И кое-кому удалось даже вздремнуть. Несмотря на всеобщий рев магнитофонов и дикие песни — отголоски бурно проведенных мероприятий.

Доехали до города. Правда, не в семь утра, как было обещано, а в половине девятого. А к девяти — на работу.

Теперь опять представим себе, читатель, товарищей Иванова, Петрова и Сидорова. Вот они выходят поутру из «Туриста». Грязные, прокопченные, заспанные, с сильно обезвоженным организмом, спешают они на работу... Вы скажете, что такое с указанными ответственными товарищами произойти не могло: на то, мол, они и ответственные. Допустим, правильно. А жаль. Ведь это они отправляют поезда «Турист» на лоно природы. Попади туда эти лица, кто бы, глянув на них поутру, не посочувствовал им, сердешным?

НЕ СТОРОЖ Я, ДИРЕКТОР...

Утильный автобус, надсаживая больное, железное нутро, одолевал километры.

Я ехал во Дворец культуры деревни Ключики, вспоминая волнующие рассказы товарищей из райотдела культуры про охват местного населения мероприятиями, и думал: «Сейчас меня тоже охватят. Хорошо, если лекцией или концертом. Хуже, если докладом». Воображение рисовало когорты местных докладчиков и легионы наезжих артистов...

Дворец культуры замечен издалека. Посреди небольшой деревни он держался молодцом, как официант столичного ресторана среди пугливых провинциальных клиентов. У запертых дверей стоял неопохмелившегося вида человек, одаренный наливным, сизым носом, и крепко дымил самокруткой.

Мы познакомились.

Человек, назвавшись Вавиловым, сплюнул самокрутку и кивнул на дверь: «Отпереть?»

Мы вошли в просторный вестибюль. Вавилов с гордостью показывал дворцовую внутренность очага культуры. Прошмыгнув в глубь сцены, он поливал мягким светом современный интерьер зрительного зала, разрешал пощупать добротный занавес, огладить сверкающее полировкой тело пианино «Элегия», а потом уводил в библиотеку с небольшим, но уютным читальным отделением. Все было красиво и фундаментально, на всем лежала печать нетронутой, девственной чистоты.

— Бережем помаленьку, — потирая руки, говорил довольный Вавилов, — тут у меня ни одной пылинки дуриком не сядет — не позволю. И в старом клубе не позволял, и здесь... Я ведь бывалый — который десяток лет за культурой слежу.

— Вы сторож?

— Я?! — оскорбился Вавилов. — Ты думаешь: и махорку смолит, и все такое? На обличье, значит, глаз устремляешь? А культура-то у человека, вот она где сидит, внутри, — Вавилов ткнул себя пальцем в область печени, — а снаружи у человека одна только видимость торчит безобразная. Директор я — вот оно что выходит!

Мы вошли в директорский кабинет, плотно укомплектованный новыми музыкальными инструментами. Здесь хозяин разошелся вовсю. Он ожесточенно метал на стол планы культурных мероприятий — месячные, квартальные, годовые и еще какие-то перспективные.

— Иные тут говорят, Вавилов — то, Вавилов — се, а Вавилов-то одних инструментов оптом на три тыщи закупил! Вот, гляди, музыкальный саксофон в 400 рублей, вот ударная музыка — 300 рублей, вот три гитары — меньше полутора сотен ни за одну не плачено! А вот «Юность» — 510 рублей, инструмент тоже электрический! — Вавилов перебирал сокровища, при виде которых восторгнулся бы музыкальное сердце любого молодежного ансамбля. — А вот тебе ишо три, например, стереофонических усилителя «Электро-20» — все трое больше полтыщи тянут! Сем раз в область ездил, а свое взял!

— Самодеятельность процветает?

— Кружки процветают: хоровой да танцевальный. Народ к инструменту уклон не держит. И откудова такие берутся?

— Кто же кружками руководит?

— Есть тут один... Он из другой деревни руководит. Который раз приедет, кой-чего покажет, а тогда уж они сами, своим умом доходят. У меня, вишь ты, хударука нет. Одна тут работала, но сбежала. Мне, говорит, образование не позволяет. Я, говорит, ветеринар, а не балерина.

— И долго работала?

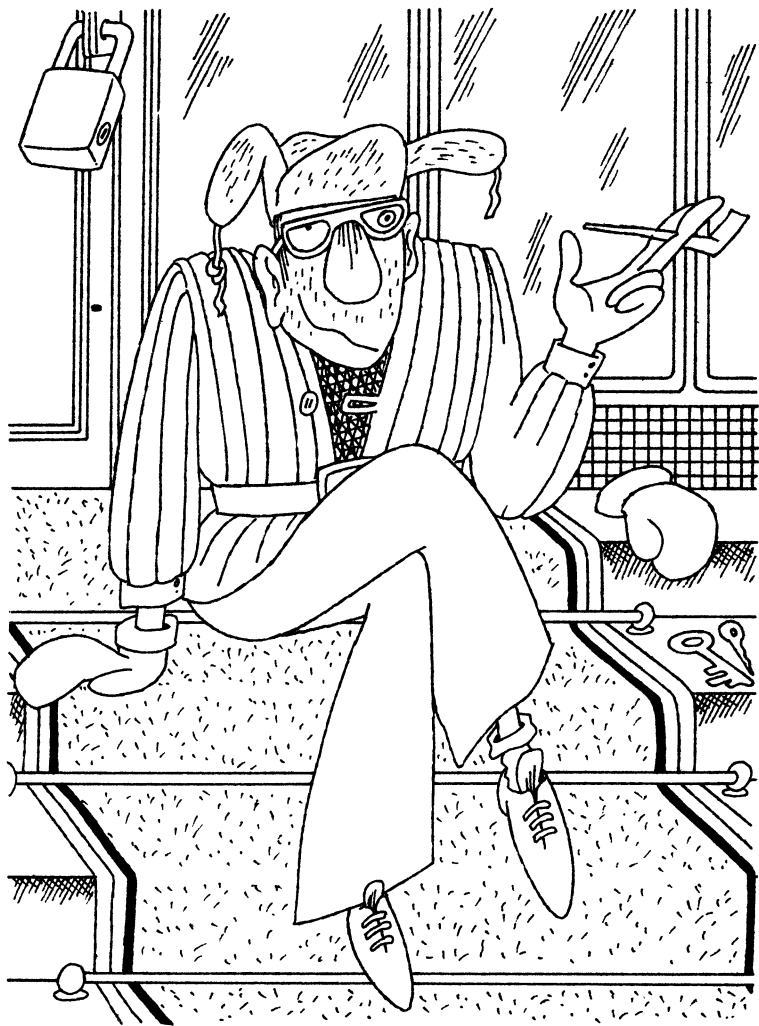
— Как, поди, недолго. Целый год свою внутренность преодолевала...

— А танцы?

— Случаются. Вот под эту чертовину, — Вавилов ткнул пальцем в радиолу, — но ведь теперешняя молодежь вальсы не уважает, ей вот такое подавай, — Вавилов осуждающе подрыгал ногой, — но я баловать, конечно, не велю, пресекаю. — Он заметил мой удивленный взгляд и объяснил: — В газетах про эти дела шибко критикуют.

Конечно, Вавилова можно понять как человека, ущемленного незаконченным начальным образованием и вынужденного до всего доходить своим умом после переезда из старой избышки, долгие годы служившей центром культуры деревни Ключики. Но сейчас, в этом дворце...

— Это сейчас он устарел, а был прежде куда боевой: и на гитаре

сбрыкает, и песню старкает, как освирепееет после чекушки, — объяснило местное население.

В райотделе культуры документально подтвердили, что теперь чекушка действует на Вавилова по-другому. Однажды после неустановленного числа чекушек с ним произошла совершенно непечатная история. Он едва не лишился партбилета, но на месте директора усидел.

— Крепкий кадр, — сказали по этому поводу в отделе культуры, — крепко объект сторожит.

И опять начали красиво рассказывать про охват районного населения культурными мероприятиями. Но я уже слабо верил рассказам. Воспользовавшись неофициальным советом, я решил поглядеть, как живет Дом культуры «Маяк» — первенец современного докомокультуростроения в районе. Следуя все тому же неофициальному совету, я пошел к районному прокурору и ознакомился с литературой, описывающей жизнедеятельность этого очага культуры.

В литературе сказано: «Свидетель Зинуров передал Туркову нож... с ручкой, изготовленной в виде зверя, похожего на белку». Затем хулиганы «наносили удары в разные части тела, вооружившись спинкой стула, солдатским ремнем с пряжкой, ногами и кулаками». Их действия были настолько зажигательны, что увлекли весь зал, и драка стала массовой. Перед лицом одного из очевидцев то и дело «мелькал предмет, представляющий не что иное, как лезвие ножа».

Конечно, не каждому захочется ехать в такое место, где наносят удары в разные части тела. Но я поехал. Правда, как человек не чрезмерно отчаянный, я пригласил с собой корреспондента местной газеты «Вперед». Он хоть и не мог защитить от хулиганов, но пригодился бы в качестве свидетеля, если я пострадаю на почве знакомства с Домом культуры «Маяк».

В «Маяке» было холодно и пусто. Посреди вестибюля утверждены теннисный стол, а в углу сидели ребятишки, совсем непохожие на хулиганов, ученики соседней школы Толя Иванов, Шамиль Зайдуллин и Коля Петров.

Познакомившись, я спросил:

— Что же вы, ребята, так скучно сидите?

— А чо нам, стоять, што ли? — откликнулся карапуз, пожелавший утаить свое имя от печати.

— А вы бы в теннис поиграли, — предложил я, показывая на теннисный стол.

— Ха, в теннис! А кто тебе шарик-то даст?

— Ну, тогда в бильярд...

— Ох ты, ловкий дядька! — невесело рассмеялся карапуз. — Да кто же тебя допустит? Тем более, все шары сломаты.

Тогда я начал им предлагать заняться в кружках: танцевальном, хорошем, эстрадном и драматическом, обозначенных на вывеске. Но они от-

казались. А карапуз пробормотал: «Мало что тут напишут-то на бумагах...»

Я попытался отыскать художественного руководителя «Маяка», но такового в натуре не имелось. В натуре имелась только пожилая библиотечарша, которая, кроме своих библиотечных, самоотверженно исполняла обязанности директора и художественного руководителя. И тот, и другой после очередной баталии угодили в больницу, а потом на работу не вернулись.

— А драки у вас до сих пор случаются? — спросил я ребят.

Пожелавший остаться инкогнито карапуз поглядел на меня снисходительно и сказал:

— Сегодня у нас кто, среда? Сегодня не будет. Ты давай в субботу приходи. В субботу Ванька Обрез станет отдыхать. Только на Ваньку тебе слабовато. Ванька вот эдакий ножик принесет! — И он широко развел руками, показывая размер Ванькиного ножика.

Потом я долго ждал, когда починят утильный отделкультуровский автобус, ходил по пустым, обшарпанным залам и думал о том, что же все-таки делается в наших деревнях и селах на так называемом культурном фронте. А ничего там, собственно, не делается. Раньше плакались, что в деревнях не хватает домов культуры, а культработник опрометью наострился в город. Тогда все было ясно: построить дворцы, и эти работники опрометью же кинутся обратно. Но вот построили, а они чего-то не спешат. Как их снова сюда заманить? По этому вопросу имеется много изысканий и не имеется ни одного ответа. Как-то все туманно. Но пройдет время, нынешние дворцы опять будут казаться развалюхами, и опять все будет ясно: надо строить.

А пока ясно одно: дело все же не в новых стенах, а в человеке. Но его так просто вспять не поворачишь. Столько времени он привыкал тратить свободное время на пьянку и мордобой, а ему вдруг предлагают курс игры на домре! Завклубом издавна считался на селе чем-то вроде низкооплачиваемого клоуна, которым предприимчивые мамыши пугали своих дочерей-невест, а теперь мы хотим, чтобы там работали толковые молодые люди.

Что же теперь, поставим крест на сельской культуре? Разумеется, нет. Просто надо понять, что одним домокультуростроением и агитационно-кавалерийским наскоком тут ничего не решить. А по времени — возможно, понадобится целое поколение...

Когда мы садились в автобус, снова подошел знакомый карапуз и посоветовал:

— Ты в субботу поддай хорошенько. А то как бы тебе против Ваньки не струсить!

И посмотрел на меня очень и очень сочувственно.

А я на него...

ПРОРЕКТОР НА ШАБАШКЕ

Моросил дождик. Клены заботливо сбрасывали последние листья на худую крышу овощехранилища совхоза «Борковский». Проректор госуниверситета по научной работе А. Голотов перебирал гнилую картошку и размышлял о влиянии принципа Гаусса на поведение импульсных сигналов в диэлектрической среде. Кругом ударно трудились профессора и доценты. Поодаль небольшими стайками гуртовалось местное население и с любопытством поглядывало на представителей науки. Картофельная страда набирала темпы.

Голотов оглядел бурты картошки, отдаленно напоминающие прибалтийские дюны, и горестно вздохнул. Конечно, в последние годы университет разросся, пополнился молодыми, мускулистыми доцентами. Но все равно мощности профессорско-преподавательского состава явно не хватало, чтобы перелопатить эти горы. Студенты же были задействованы на других хранилищах. Спасти план подшефного совхоза мог только научно-технический прогресс.

— Ну как, наука? — шуганув любопытствующих, поприветствовал его директор совхоза. — Это вам не синусы на косинусы умножать, а? Тут работать надо!

Шефы работали. Они старательно отсортировывали уже загнившие корнеплоды от тех, которым предстояло сгнить к весне. Другого выхода у картошки не было: технология хранения не предусматривала.

Прямо с поля картофель везли в хранилище и, лишь слегка перебрав, валили в кучи, именуемые буртами. Затем подыскивали совхозную пенсионерку с задатками альпиниста. Сырая картошка, естественно, начинала портиться, а оперативная старушка начинала совершать восхождения на бурты. Она как можно дальше заглубляет термометр в картофельные недра и выявляет очаг гниения. Ибо гниение, подобно гриппу, сопровождается температурой. Выявив очаг, старушка опрометью скатывается с бурта и бежит включать соответствующий вентилятор, который «выдувает» температуру и влажность. И так раз по пятидесяти в день. Это в идеале. А в суровой действительности до такого не доходит. Старушка утомляется. Картошка гниет. Доценты сортируют.

Голотов продолжал думать. А что, если применить для измерения температуры и влажности картошки ту систему, над которой сейчас работает физический факультет его родного университета? Она хоть и не имеет отношения к овощам, но, может быть, вполне сойдется.

И никаких старушек! Интегральные схемы, микропроцессоры, дисплей. И вот уже сидит у экрана оператор и нажимает кнопки. Сорок датчиков — сорок кнопок. Ткнешь пальцем кнопку, дисплей в нужном

месте показывает температуру и влажность. А если показатели не по норме — автоматически включается вентилятор, гонит горячий или, наоборот, холодный воздух. Придут показатели в норму — вентилятор выключится, опять же автоматически.

— А чего? — выслушав деловое предложение, обрадованно согласился директор совхоза. — Очень даже...

Дело закрутилось. Голотов сплотил летучую группу из шести научных сотрудников. Разработали схему. Смонтировали. Внедрили. Картошка не гниет. Доценты не сортируют. За один год потери снизились в пять раз.

— Ну что, наука? — потирал руки директор совхоза. — Это вам не в гнилой картошке копать, а? Тут думать надо.

— Очень даже надо, — соглашался Голотов. — Вот только закавыка одна есть. Мы, товарищ директор, свои ученые извилины задарма напрягать не желаем. Микропроцессоры и дисплей тоже кое-чего стоят, хоть они и казенные...

Так появился на свет договор, вступающий в запальчивое единоборство с юридическими нормами. С одной стороны, в нем фигурировал директор Белогуб, именуемый в дальнейшем Заказчиком, с другой — проректор Голотов, именуемый в дальнейшем Бригадиром. Все было как следует: Бригадир обязуется выполнить, Заказчик обязуется выплатить... Были даже графики учета рабочего времени, калькуляция на материалы и оборудование, акт передачи их университетом совхозу.

Ученым это понравилось, а директору совхоза тем более. Позже появились новые договоры с другими хозяйствами, но тоже «левые». За два года «бригада» таким образом получила 20 тысяч рублей.

— Никаких денег не жалко! — восторгался директор совхоза. — Вот я их в следующем году на капусту поставлю, сорняки полоть. Небось они эти сорняки каким-нибудь лазером выжгут. Наука!

Он почти угадал. Группа, напряженно штудирова агрономическую литературу, всерьез готовилась к войне с сорняками. Но тут Голотова вызвали в университетский партком. Кончилось тем, что порок был наказан, восторжествовала справедливость. Голотова освободили от должности проректора, партком вынес ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Перепуганные возможными санкциями за поощрение шабашников руководители хозяйств на всякий случай отключили датчики и микросхемы.

И теперь директор совхоза «Борковский» говорит о науке осторожно и даже с испугом. А другие директора и вовсе подумывают, как бы избавиться от всяких там дисплеев и микропроцессоров. Ну ее к богу, эту электронику, старушка с термометром надежнее.

Что же касается руководства университета, то оно, сочтя свою миссию завершенной (виновные-то наказаны!), успокоенно перешло к другим проблемам, весьма далеким от картофельных.

...И снова моросит дождик. Клены заботливо сбрасывают последние листья на худую крышу овощехранилища. Профессора и доценты перебирают гнилую картошку и печально думают о научно-техническом прогрессе.

ПОПРЫГУН

— Не ходи,— говорили мне в морском порту,— не ходи туда. Там,— мне говорили,— шестиосным тебя переедет вагоном! Лучше ты беги через другую проходную, ног не пожалей...

Но я пожалел.

«Как же! — думаю. — Так и дал я себя вагоном переехать!»

Значит, иду через проходную, что возле станции Жданов-Порт. А сбоку еще какой-то приближается.

— Ты кто? — спрашивает. — Попрыгун или подлезаеть?

— Сам ты,— говорю,— подлезаеть, попрыгун! А я спокойно иду и никого не задеваю.

Тогда он опять вбок ушел, отцепился.

Подхожу к месту — толпа стоит. А поперек дороги стаями ходят шестиосные, маневрируют. Вагоны стучат, тепловозы гудят, дядьки из-под фуражек в свистки свистят и флажками размахивают. Железнодорожный переезд, одним словом. А может быть, переход — непонятно. И люди толпятся, и машины. Целый хвост машин выстроился.

Толпа, конечно, спокойно не стоит, торопится. А сделать ничего не сделаешь — поперек длинный состав ходит, маневрирует. В одну сторону немного разгонится, лягнет буферами — и обратно.

А люди спокойно стоять не могут. То один, то другой — прыг на тормозную площадку, и на другую сторону.

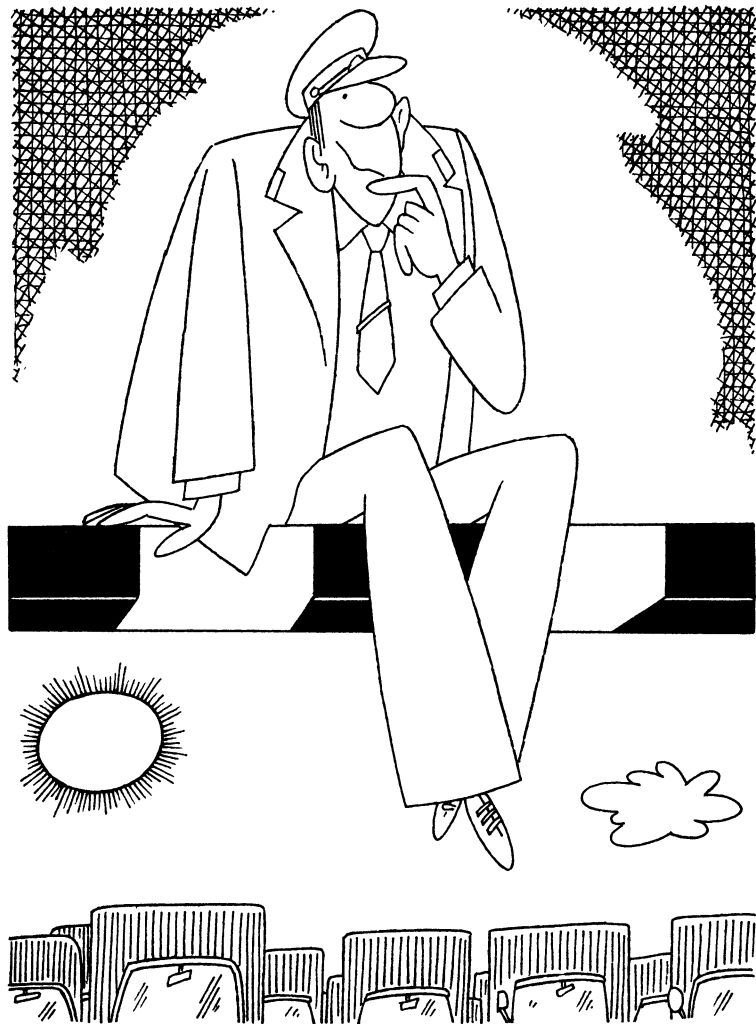
— Ишь ты,— из толпы восхищаются,— попрыгун как пошел!

А тут откуда-то мелкие старушки набежали с авоськами. И прямо под вагон лезут. Подкараулит старушка момент, упадет по-пластунски и авоську за собой по шпалам тянет.

Постоял я, подождал с полчаса — ничего не получается. Вагоны стучат, тепловозы гудят, дядьки флажками размахивают. А сбоку опять тот, знакомый, приближается.

— Так ты все же кто? — спрашивает. — Попрыгун или подлезаеть? В этот раз я его понял.

— Наверное,— отвечаю,— попрыгун, если на то пошло. Не могу же я сам под колеса бросаться!

— Тогда давай за мной! — командует. И прыгает на тормозную площадку. Я за ним. А он площадку перебежал и на другую сторону прыгнул. Я опять за ним. Два состава преодолели — ничего. А на третьем плохо получилось. Он прыгнул, а я нет. За какой-то крюк зацепился. И в сторону от переезда поехал. Я еду, а он рядом бежит, ругается.

— Какой же ты, — кричит, — попрыгун? Ты, наверное, подлезашь, как мелкая старушка, а попрыгуном для форсу назвался!

А я уж и сам понял, что никакой я не попрыгун, и вообще мне надо бы обратно. Но, чувствую, обратно нельзя, крюк не пускает...

Ладно, приехал в порт, вагон остановили, с крючка меня сняли.

— Хорошо, — говорят, — что ты в апреле на этот переход-переезд попал. Смотри не попади туда в августе, когда машины из порта зерно везут. Плохо будет. Допрыгаешься, попрыгун! В прошлом году некоторые на этом переезде до больницы допрыгались!

А сбоку опять тот, знакомый, приближается. Арифмометр под мышкой держит и секундомер в зубах несет.

— Ловкий ты, — ему говорю, — попрыгун!

— Совсем я, — отвечает, — не попрыгун. Вообще-то я здешний экономист. Попрыгал с тобой, а теперь ползаю, деньги под колесами считаю, часы ищу...

— Какие, — спрашиваю, — часы?

— Потерянные, — отвечает.

— Ценные? — спрашиваю.

— Золотые, — отвечает, — если не дороже...

Тут мне экономиста жалко стало.

— Где, — спрашиваю, — уронил?

— Под колесами, — отвечает, — только это не я, а порт потерял. И не один час, и не два, а сто шестьдесят часов теряет ежедневно.

— Как это, — спрашиваю, — порт до такого докатился?

— На переезде, — объясняет, — докатился. Летом через этот переезд за 12 часов до двух тысяч машин прорывается!

— Ну и что? — спрашиваю.

— А то, — объясняет, — что каждая машина у шлагбаума не меньше пяти минут на приколе стоит. Она же прыгать, как ты, не может! А все вместе 160 часов простаивают! За полдня — шесть с половиной суток! А у причалов в это время суда тоскуют.

— А железнодорожники, — интересуюсь, — тоже прохлаждаются, когда машины через переезд косяками идут?

— Молодец, — отвечает. — Соображать начинаешь. Железнодорожники в это время не могут вагоны в порт подавать. И опять суда у причалов прохлаждаются. А каждый час простоя — тысячи инвалютных рублей! Теперь чувствуешь, какие часы и какие деньги. Это же золотой переезд!

«Действительно, — думаю, — золотой! Для государства».

Обежал я с километр через другую проходную, ног не пожалел — и в управление Азовского пароходства.

— Вы что же, — спрашиваю, — думаете? Ведь там ваши портовики и судоремонтники на работу ходят! Точнее, стоят. Ведь сколько денег на простоях теряется! Тысячи на этом переезде лежат! Золото под колесами!

— А мы, — в пароходстве отвечают, — про этот переезд, может быть, десять лет думаем. Десять лет мечтаем эстакаду построить на паях с Донецкой железной дорогой...

— А когда же, — спрашиваю, — закончите, если десять лет строительство переезда дальше мечтаний не сдвинулось?

— А ты кто, — спрашивают они. в свою очередь, — попрыгун или полдзаешь?

СХВАТКА С ДЕФИЦИТОМ

— Ой, Сидоров, — говорили битые люди директору областного центра «АвтоВАЗтехобслуживание», — ой, посиротишь ты, неразумный, своих деток! Уж лучше похищай, что ли, государственные средства в особо крупных размерах...

Владимир Яковлевич и сам являлся тем, за которого двух небитых свободно дадут, но все же дерзнул в очередной раз испытать судьбу. И нет, чтобы просто голыми руками с неба звезды хватать или затеять, например, экспедицию к Северному полюсу верхом на жирафе. Он решил вступить в схватку с дефицитом. Отчаянная родилась у него идея: ликвидировать дефицит запчастей, а конкретно распредвалов для автомобилей «Жигули». Надо отметить, эта деталь давно числится внутренним врагом отечественного жигулестроения: не успел автомобиль отбегать гарантийные 20 тысяч километров, а она уже полностью изношена. А без нее машина, как человек без сердца, не шевелится.

Чувствую, как екнуло сердце автолюбителя: такого не может быть никогда! Уж он-то набегался за этой проклятой деталькой по черным рынкам, наунижался перед продавцами автомагазинов и до сих пор видел новый распредвал только в приятных сновидениях.

Проснитесь, автолюбители: дефицит Сидоров ликвидировал. Более того, теперь этих деталей у него полные склады. Но только в нашей области. И теперь житель, скажем, Владивостока может не тратить 300 рублей на покупку распредвала у спекулянта, а тратить их на авиабилет до нашего облцентра, пополняя при этом не карман барыги, но бюджет

государства. А для тех, кто живет ближе к нам, получается даже экономический эффект.

Тут автолюбитель насторожится: а нельзя ли получать эффект обратным путем? Согласно поговорке насчет лошади и яслей, которые к ней не ходят? Тем более, что перевозка распредвала дешевле, чем человека.

Оказывается, нельзя.

Но сначала-то Владимир Яковлевич думал, что можно. Поэтому еще несколько лет назад, в смутные времена застоя, создал при своем автоцентре цех по восстановлению распредвалов. Конечно, не так чтобы взял да просто создал — без инфаркта и гипертонического криза. Но все же утряс, увязал, согласовал. И сумел даже отбиться от десятка заумных технологий, навязываемых различными автомобильными НИИ. Способ восстановления разработали сами инженеры «АвтоВАЗа». Получилось дешево и сердито. На изношенный распредвал наваривается слой твердого металла, и после такого нехитрого ремонта он работает дольше нового. Причем, когда сдаешь старый вал, тебе засчитывается его стоимость, и платишь всего 6 рублей 80 копеек.

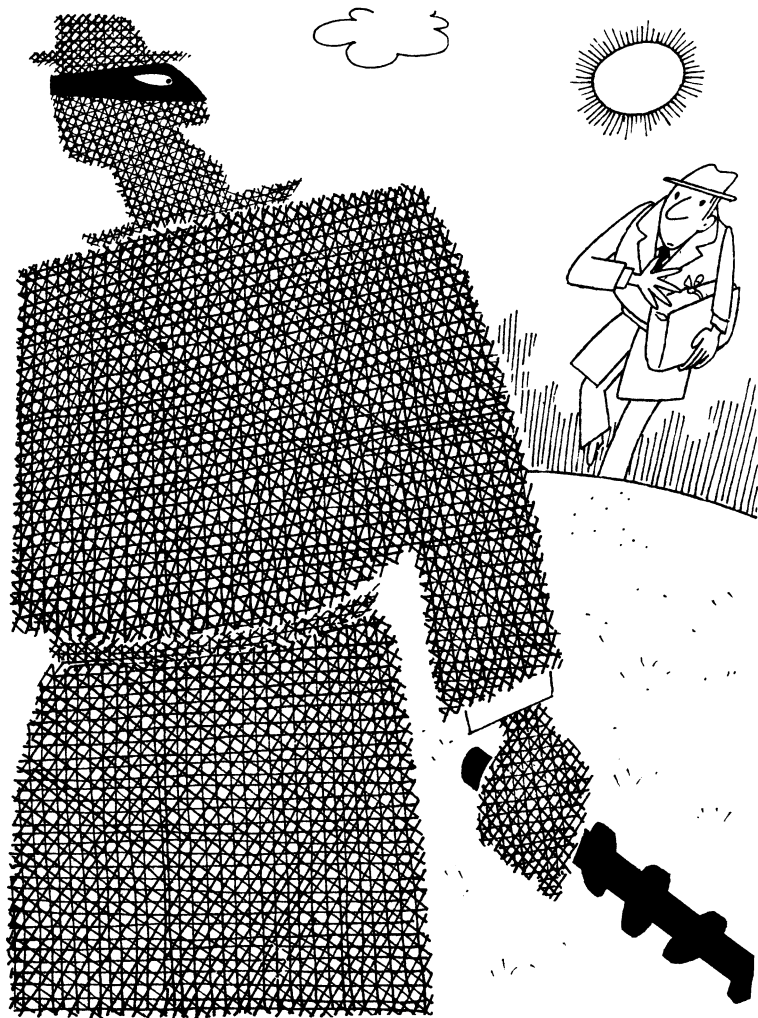
Вскоре в автоцентре начались чудеса. Пожалует какой-нибудь ветеран с негодным распредвалом за пазухой, наохлится в приемной, караулит директора: сейчас, дескать, прижучу его гвардейским способом! А его вежливо под локоток подхватывают: пройдемте, мол, на первый этаж, там у нас обменный пункт имеется. Сдавайте свой негодный вал, получайте новый. У гвардейского ветерана аж губа отвисает, смотреть на него жалко. Схватит он эту железяку, прижмет к груди и дай бог ноги.

Но наша жизнь немыслима без дефицита. Если раньше ощущался недостаток распредвалов, то теперь — недостаток людей, в них нуждающихся. Дело в том, что «АвтоВАЗ» так и не достиг стопроцентного брака по части распредвалов, среди них то и дело попадаются доброкачественные, то есть стареющие синхронно с остальными частями автомобиля. А цех рассчитан на сотню тысяч валов в год и способен удовлетворить потребности нескольких десятков областей.

В. Сидоров не был бы тем, за которого двух небитых дают, если бы не предусмотрел такого оборота. Он заключил договоры со многими автоцентрами страны: те поставляют ему изношенные распредвалы, а он им — восстановленные. И никакого дефицита. Делать нечего, руководители автоцентров договоры подписали, но разговоры пошли нехорошие.

— Бонапартизм проявляет Сидоров, демонстрирует наскокчатость! — шептали они в различных инстанциях. — Наскоком, знаете ли, проблему берет! А нет, чтобы вместе со всеми сесть и продумать долгосрочную программу действий, от которой не сразу, но будет отдача. А если не будет, то тоже не сразу...

И начали очень активно эти договоры игнорировать. Цех постепенно начал задыхаться без ремонтного фонда, то есть от недостатка изношенных распредвалов. Рабочие, естественно, оставались без зарплаты, авто-

центр — без плана. А это уже было чревато последствиями не только для директора, но и для всего коллектива. Сидоров сторжача попробовал было припугнуть не выполняющих договоры штрафными санкциями, но над ним только посмеялись. Ведь не было даже приказа по объединению, придающего этим договорам юридическую силу. А в госарбитраже заявили, что внутриведомственные проблемы «АвтоВАЗа» их не касаются. Вот если бы Сидоров завел тяжбу с посторонней организацией, тогда, пожалуйста...

Конечно, ни один из руководителей автоцентров не заявил прямо в лоб, что нужны ему эти распредвалы, как старуха золотой рыбке. Что пока существует дефицит, а они держат его в руках, жизнь прекрасна и удивительна. Однако почти у всех автоцентров одновременно появилась объективная причина: отсутствие транспорта для перевозки распредвалов. По железной дороге их перевозить тоже нельзя, поскольку это не запланировано «АвтоВАЗом». Не нанимать же для этого специальный самолет?

Но ох и битый же человек Сидоров! Убедившись, что насильно мил не будешь, он начал орудовать на манер коробейника. Выклянул у вышестоящей инстанции грузовик, водрузил на него короб и послал по миру, собирать бросовые распредвалы. Тогда ему стали перекрывать кислород, то есть урезать фонды на топливо для нищенствующего грузовика. И цех до сих пор еле-еле загружен работой на 60 процентов. Коммунисты цеха направили коллективное письмо секретарю парткома «АвтоВАЗа», но тот не удосужился прислать даже отписку. Аналогичное письмо было отправлено и директору регионального объединения Северо-Западной зоны. Результат тот же...

А в автоцентр тем временем нагрянула комиссия. И сделала оригинальный вывод в том смысле, что затея Сидорова вовсе не эфемерный бонапартизм и наскокчество, но реальная почва для процветания спекуляции в масштабе государства. Ведь один человек может обменять сразу несколько распредвалов, а потом торговать ими на черном рынке. Поэтому не надо верить, что собрал он их в кругу таких же несчастных друзей-автомобилистов и привез откуда-то с Урала, а верить надо, что он спекулянт и выжига, покамест не докажет обратное путем предъявления этих самых друзей в живом виде. И напрасно Сидоров убеждал, что таких «друзей» любой спекулянт может предъявить сколько угодно из числа скучающих в ожидании ремонта автомобиля граждан. Ему не вняли и записали выговор, предупредив, что, если он не уймется, будет хуже.

И действительно стало хуже. Нагрянула еще одна ревизия, ведомственная. Она обнаружила, что Сидоров включает восстановленные распредвалы в план, как только они поступили на склад. Но, оказывается, по какой-то хитрой инструкции готовая продукция не может считаться таковой, пока она не отправлена потребителю. А потребитель хоть и обязан, согласно договору, сам вывозить отремонтированные распред-

валы, не очень торопится. И сделала ревизия грозный вывод: балуется Сидоров приписками и незаконно выплачивает рабочим премию, что является замаскированным хищением государственных средств.

— Ой, Сидоров,— качали головами битые люди,— говорили тебе, зря ты этим опасным делом начал заниматься!

Теперь Владимир Яковлевич почувствовал, что скоро он будет тем, за которого уже не двух, а трех небитых дадут. Схватка с дефицитом была начисто проиграна.

ИГРА В СТРАУСА

Было дело в городе Рыбноводске.

Явился рабочий Н. Кузнецов в кабинет директора завода и затребо-вал:

— Дайте мне выговор!

— Это с какой стати? — возразил директор. — Выговоры на дороге не валяются.

— А вы с какой стати отхватили? — гнул свое Кузнецов. — И ваш заместитель Данилов, и главный инженер Баранов. За злоупотребление...

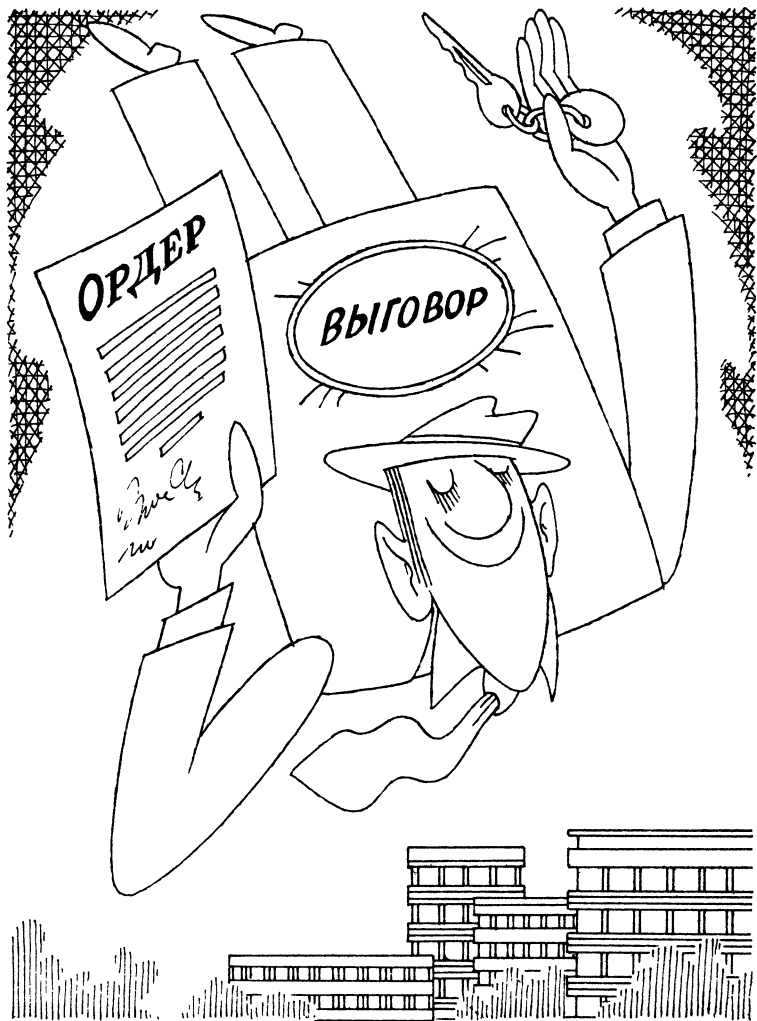
— У нас служебное положение! — возгордился директор. — А вы чем можете злоупотребить? Нет, с выговором не могу помочь. Сам себе еле устроил...

Рассердился Кузнецов и написал жалобу в редакцию.

— Хочу злоупотребить! — жалуется он. — Больше десяти лет проработал на вредном производстве, досрочно заработал пенсию, а выговор не заработал. Поэтому пятый год стою в очереди на жилье, но вперед не продвигаюсь. Правда, без очереди у нас тоже дают квартиры, но только с последующим выговором. Так получили директор завода Велижев, его заместитель Данилов, главный инженер Баранов и другие. Я тоже хочу. Тем более выговоры потом снимаются, а квартиры остаются...

— У нас? — ожесточился зав. отделом учета и распределения жилплощади Рыбноводского горисполкома А. Карпов. — У нас без очереди... мышь нору не получит!

Оказывается, не один Кузнецов пишет жалобы из города Рыбноводска. Сплошь и рядом отмечаются поползновения граждан с неземным ускорением получить квартиру. Минувя родной горисполком, они гонят почтовое отправление в далекую московскую инстанцию, где его обычным порядком разворачивают на 180 градусов и адресуют по назначению, в горисполком для разбора по существу. Вот, например, поступает жалоба пенсионера Н. Докучаева, который живет на улице Курортной

в антикурортных условиях, а именно без воды и отопления. Тут же на место происшествия командирован инспектор отдела и расследует. Не совершил ли пенсионер диверсию на водопроводе? И зачем живет без отопления? Может, стремится подхватить туберкулез и оформить справку на дополнительную жилплощадь? Или, как Кузнецов, нарывается на выговор, который пенсионеру не светит ввиду отсутствия служебного положения?

Потом готовится ответ в московскую инстанцию, из которой была переслана жалоба. Получив его, инстанция еще долго мучается угрызениями совести оттого, что сильно оплошала: тут надо заострять вопрос не о квартире, а о преследовании матерого симулянта.

Ваш корреспондент просмотрел с десяток жалоб, поступивших в отдел. С. Рывы с улицы Коммунаров, семьи Кожевниковых (улица Красная), ветерана Великой Отечественной войны Т. Вардиевой, проживающей по улице Азина, и т. д. Все они оказались чуждыми элементами, ловко маскирующимися под порядочных граждан, имеющих перспективу на выговор. Особо выделяется Ф. Аверкиева, на которую заведено досье. В нем хранится жуткая улика — копия трудовой книжки. А отзывы с каждого места работы бережно хранит память сотрудников отдела. Установлено, что в одной организации она невнятно отвечала на приветствие начальника, в другой — не сумела завоевать дружеское расположение секретарши Марьи Ивановны, из третьей хоть и уволилась по собственному желанию, но есть соображения, наводящие на подозрения... А выговора нет.

— Правда, это еще не все, — доверительно шепнул зав. отделом учета Карпов. — Отдельные моменты не зафиксированы из деликатности.

Оказалось, у подследственной не все благополучно и в быту. То ли ее дети не очень-то похожи друг на друга, то ли внешний вид ее кошки так влияет на психику соседского фокстерьера, что тот приходит в нездоровое расположение духа и взволнованно гавкает. Тут читатель вправе усомниться. Может, товарищи из отдела и учета притомились от мельтешения бумаг и перепутали кошку характеристику с жилищным законодательством? Ничуть не бывало. У них все очень даже в порядке. Но представьте себе, что будет, если они ответят в московскую инстанцию, что Аверкиева — мать пятерых малолетних детей, а размер жилплощади, предоставленной, как ей объяснили, временно, не тянет на санитарные нормы? Ведь тут не поможет никакое досье. А так их ответ и сердцебиение успокаивает, и вроде бы даже законностью отдает.

Жалоба Н. Кузнецова тоже была направлена редакцией в отдел, руководимый А. Карповым. Корреспондент застал ее как раз в стадии выявления порочных наклонностей автора жалобы. Оказалось, что и его моральный облик сильно омрачен. Он до сих пор не изжил в себе тягу к жалобам. Во-первых, завидует квартирам директора и его ближайших сподвижников, во-вторых, все еще помнит, каким методом они были получены, хотя все уже об этом забыли. В-третьих, плохо влияет на

собственных родителей. Под его нажимом они ускоренно состарились и продолжают стеснять жилищные условия сына.

По-видимому, из-за дефицита времени сотрудники отдела кое-что упустили. Говорят, в середине пятилетки Кузнецов тайком сбежал с профсоюзного собрания. В прошлом месяце пересек улицу в неполюбованном месте. А третьего дня лез без очереди за селедкой. Но выговора не заработал. Не дают выговор.

Но если вдруг вспомнить, что Н. Кузнецов длительное время проработал на заводе, перевыполнял план, был передовиком производства? Ведь право таких граждан на первоочередное получение жилья отдельной строкой зафиксировано в жилищном законодательстве. Но, с другой стороны, отвечает ли Кузнецов таким требованиям? Неизвестно. Вот если гражданин представляет собой ветерана войны или многодетную мать, тогда ясно. А тут еще надо подумать. Что значит «проработал длительное время»? Правда, Совет Министров республики специальным постановлением обязал руководителей каждого предприятия конкретизировать этот срок. Но директор завода Велижев не удосужился. И рабочие пребывают в неведении относительно своих прав.

— Доколе?! — вздев руки к небу, прошептал директор. — Доколе буду я караем за отдельный промах?

— В самом деле, — поддержал его Карпов, — товарищ уже сильно пострадал от выговора...

Когда разбирали жилищные махинации, солидарно с ним пострадал секретарь парткома завода. (Теперь уже бывший.) Он сам себе объявил выговор «за неосуществление контроля». Вроде бы сначала ничего не видел, а потом вдруг открыл глаза и принял меры. Это опять же придавало законность, намекало на торжество социальной справедливости.

А вот Карпов до сих пор делает вид, что ничего не замечает. Но ведь придется, наконец, сделать вид, что заметил. Поэтому хочется душевно всем им посоветовать: граждане, перестаньте играть в страуса, выньте голову из песка. Ваши игры у всех на виду.

ПОЖАЛУЙТЕ БРИТЬСЯ!

Скрипнула дверь, и в кабинет директора механического завода просунулась нехорошо причесанная голова.

Загадочно подмигнув левым глазом, она спросила:

— Иван Иванович?

— Я... — неосторожно признался директор.

— Это хорошо, — похвалила голова, и в кабинет вошли два небритых гражданина.

Один из них, самый небритый, быстренько разложил на столе приборы для бритья, а другой, выхватив из-за пазухи салфетку, мигом накинул ее на шею директора.

— Вы что, парикмахеры? — изумился Иван Иванович. — Из фирмы «Заря»?

— Нет покамест, — возразил хозяин салфетки. — Мы покамест водопроводчики.

— Вы сумасшедшие?! — вздрогнул Иван Иванович.

— Этого мы, водопроводчики, не знаем, — сказал водопроводчик. — А вот как сейчас тебя поброем, и ты с ума посойдешь...

— Стойте, ребята! — испугался директор. — Может, лучше жалобу напишете?.. В министерство?

— Писали уже, — отказался водопроводчик, — пятьдесят шесть раз писали. Сказано, поброем! — и заправил в бритву лезвие «Спутник»...

— Не надо! — пошел на обострение директор. — Не надо меня этой штукой брить!

— Надо, — сказал водопроводчик, — один раз обязательно надо. Ведь ты сам эти «Спутники» выпускаешь?

— Пожалуйста бриться! — пригласил небритый, взбив мыльную пену.

— Я не виноват! У нас оборудование устарело... И заточка плохая. И сталь нехорошая, углеродистая...

— Этого мы, водопроводчики, не знаем, — сказал водопроводчик и с треском провел бритвой по директорской щеке.

Иван Иванович дернулся в сторону.

— А ты не дрыгайся, не дрыгайся! — сказал водопроводчик. — У меня рука верная. Я этой продукцией десять лет скоблюсь... Одной кровичи три ведра спустил.

— Поймите, ребята. Это же не я! Это ПК... ПКТИМАШ виноват!

— Кто такой? — сказал водопроводчик. — Начальник твой, что ли?

— При чем здесь начальник? Я же говорю, проектно-конструкторский технологический институт машиностроения! Он нам технологический процесс без хвоста оставил.

— Это зачем хвост? — сказал водопроводчик. — Ты нам зубы не заговаривай.

— Я и не заговариваю! А лезвие после заточки должно проходить еще одну операцию, металлополимерное покрытие жала. Для прочности. И чтобы мягко брило. Это и есть хвост технологического процесса, которого у нас нет...

— Этого мы, водопроводчики, не знаем, — сказал водопроводчик, — то хвост, то начальник, то есть, то нет. Ты зубы не заговаривай!

— Мероприятия внедряли! — разволновался директор. — Комплексный план составляли! Чуть договор с ПКТИМАШем не заключили! А он нас обманул...

— Этого мы, водопроводчики, не знаем,— сказал водопроводчик, и бритва угрожающе нависла над директорской щекой...

— Может, сначала главного инженера, а? — втягивая голову в плечи, попросил директор.— Петра Петровича, а?

— Будто мы и не знаем! — обиделся водопроводчик.— Главный-то твой давно побритый лежит, отдыхает. Одной крови...

Тут дверь распахнулась, в кабинет уверенно вошел солидный товарищ и в недоумении остановился.

— Что здесь происходит?

— Да вот, директора броем... — сказал водопроводчик.— А вы кто такой будете?

— Я начальник главной инспекции по качеству продукции министерства! Сидор Сидорович, к вашему сведению!

— Это хорошо,— сказал водопроводчик,— это чтобы нам в министерство не прорываться. А начальника главка с собой не захватил? Нет? И главного технолога не привел? Тоже нет? Ну ладно, садись, поброем.

— Не имеете права! — побледнел Сидор Сидорович.— Я вам не кто-нибудь!

— Пожалуйста бриться! — пригласил небритый, взбив новую порцию мыла.

— Вишь ты,— сказал водопроводчик, налегая на бритву,— вишь ты, лезвия какая попалась — по волоску дергает.

— Лезвия, знаете ли, качественные,— заявил Сидор Сидорович,— соответствуют техническим условиям...

— Вот мы соответственными и поброем,— сказал водопроводчик,— а вам какая лезвия приглянется — которая по одному волоску дергает или которая, наоборот, кровь пускает? Одна называется «Спорт», а другая, наоборот, «Спутник»...

— Я вам не кто-нибудь! — съезжившись, предупредил побриваемый.— Я начальник... — Но лезвие «Спорт» уже со скрипом поехало по его щеке.

Следующие пятнадцать минут в кабинете стояла относительная тишина...

— Ну, бывайте,— сказал наконец водопроводчик,— нам еще в Ленинград ехать, на ту фабрику, которая то «Неву», то, наоборот, «Балтику» выпускает. Тамошнего директора поброем...

ДИКАРИ

Забудем на время блага цивилизации, вспомним о дикарях. То есть о нас с вами. И давайте не очень насупливать брови и выпячивать грудь с университетским значком: дикости в нас еще хватает. Лучше глянем на себя со стороны, когда мы приезжаем отдыхать, конечно, не на зарубежные Золотые Пески, а, например, в отечественный Крым.

Крымский житель так прямо и радуется: дикари приехали!

И в ладоши хлопает.

Выскачив в Симферополе из туго набитого самолета или поезда, мы узнаем, что дешевые, за рубль двадцать, билеты до Ялты проданы на неделю вперед и возможен только комфортабельный проезд за 50 рублей, предлагаемый на ухо энтузиастом индивидуальной трудовой деятельности. Отдернув ухо, мы дико шарахаемся в сторону ближайшего милиционера с криком: «Караул!»

— Дело ихнее, пусть в троллейбусе душатся, — презрительно объясняет энтузиаст. — У меня цена полюбовная, как в патенте записано. Может, я им по дороге всякие дополнительные услуги оказываю. Вон, гляди, у меня в машине «Шарп» присобачен и термос с черным кофе...

В Ялте он с рук на руки сдает нас гостеприимной старушке, которая не отцепится до тех пор, пока не поселит в курятник, проживание в котором стоит лишь чуть-чуть дороже, чем в интуристовском отеле. В счет этого имеются преимущества: после старушки и временно отселенного в огород петуха-аборигена ты тут полновластный хозяин. Швейцар тебя не шпынует, администратор не презирает, дежурная по этажу за нравственностью не следит, и горничная чуть свет с постели не сгоняет пылесосом.

И вот мы уже одной ногой купаемся в море, а другой стоим в очереди за обедом, который можно есть, только зажмурив глаза и отворотя нос от тарелки. Потом мы одной рукой гребем от берега в сторону Турции, а другой суетливо отпихиваем от подбородка всяческую дрянь, яростно сплевывая то, что не успели отпихнуть. Мы внушаем себе, что водоплавающая гадость лишь по внешнему виду смахивает на содержимое канализации, выпускаемой прямо в море, а в сущности, это естественный продукт морской жизнедеятельности вроде планктона.

Мы сознательные. Мы сознаем, что никто нас сюда не зазывал, никто нас здесь не ждал. Не про нас строены отели «Ялта» и «Ореанда» с хамелеонными швейцарами, зато именно от нас отгорожены закрытые пляжи с благами цивилизации. Мы стоим в километровых очередях, потому что нас много, а обслуживающего персонала мало. Мы ходим на пляж, как на работу, чтобы захватить место в шесть утра, ибо нас приходится до восьми туловить на квадратный метр пляжа. Наконец, мы утешаем себя тем, что солнечные лучи и воздушные ванны в отличие от моря и обеда отпускаются без всяких посторонних примесей.

Но, увы, и тут мы дико заблуждаемся. Впрочем, на этот счет заблуждался даже сам Михайло Васильевич Ломоносов, когда говорил, что могущество России будет прирастать Сибирью. Наши министры — не ломоносовы и, видимо, поэтому давно и целеустремленно приращивают это могущество Крымом. Сейчас здесь функционирует около 300 промышленных объединений и предприятий, которые ежедневно обогащают атмосферу всесоюзной здравницы двумя миллионами килограммов вредных веществ.

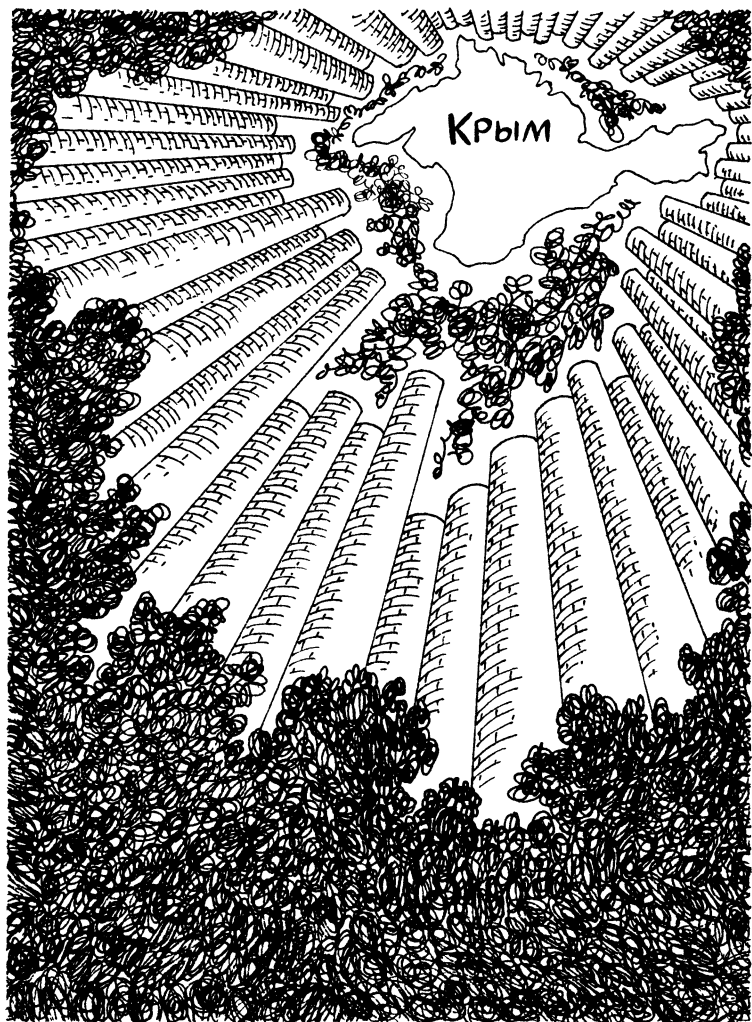
Конечно, с точки зрения количественного показателя мы, дикари, от этого не тощаем, а, наоборот, даем привес. Причем не только посредством желудка, а прямо через все фибры души. За сезон нас набивается в Крым миллионов этак восемь, значит, на душу приходится по четверть кило вещества в сутки. Не пита, не едено, а глядишь, за отпуск и поправился на полпуда.

Другое дело — с точки зрения качества. Ведь среди этих восьми миллионов сплошь и рядом попадают передовики производства, ударники труда и вообще люди, не подлежащие вытравливанию, например, окисью азота или серным ангидридом. Однако министерство взлелеяло здесь аж два объединения, которые подпитывают окружающую среду этими веществами. Да и не только этими. Тут на любой вкус имеется эффективное химическое соединение. И для цирроза печени, и для язвы желудка, и для экземы анфаса. А недавно в окрестной почве обнаружили очень активный мышьяк. Прямо ковыряй ногтем и клади на больной зуб.

Но есть еще химический завод в курортном городе Саки. Он функционирует здесь в соответствии с законом диалектики, трактующим единство и борьбу противоположностей. Поэтому, видать, на него и не распространяются обычные законы, выдуманные человечеством для удобства существования. Дело в том, что сюда со всего белого света стремятся больные люди, сильно надеющиеся вылечиться знаменитыми сакскими грязями. А на месте выясняется, что эти грязи находятся в состоянии борьбы с отходами химического производства. И в то же время составляют с ними неразрывное единство. Теперь уже и врачи не знают, во что они окунают больного — в целебную ли грязь, в медный ли купорос. Однако еще и сегодня многие приехавшие лечиться уезжают отсюда вполне живыми.

Мало того, руководители министерства заметили, что в близлежащем Сиваше тоже шевелится что-то живое. И затеяли строительство Сивашского анилиноокрасочного завода, который сразу приукрасил легендарное прошлое одноименного водоема. Ох, и чуден, ох, и красочен Сиваш при тихой погоде, когда вольно и плавно несет он полумертвые воды свои! И уж, конечно, редкая птица долетит до середины его, не став похожей на разноцветного попугая.

Надо отметить, химические гиганты без всякой дискриминации ведут травлю и флоры, и фауны. То есть уничтожают и то, что шевелится,

и то, что цветет. За истекшую пятилетку они химизировали подземные воды на площади в сотни квадратных километров. В том числе подтоплено несколько сотен гектаров сельхозугодий. Если учесть, что сверху эти уголья активно химизирует агропром, то мы, дикари, под личиной помидора или арбуза поедаем гербицид или пестицид. Который из них действеннее, сказать трудно, оба слова обозначают ядохимикаты и в переводе с латинского содержат корень «Убиваю».

Помнится, еще в смутные времена застоя ученые одного НИИ порадовали мир открытием. Экспериментировали они чего-то там по Продовольственной программе, и вдруг у них вывелся супермикроб, который питается исключительно ядовитыми химическими соединениями. Ну, конечно, шум подняли по телевизору государственный, в пробирки с ядом пальцами тычут: вот, мол, где он у нас сидит и в текущий момент спокойно обедает. Тогда на почве микроба сцепились языковеды с музыковедами: спорили, какой же экономический эффект может быть от этой пакости для народного хозяйства? Потом ввязались академики, повара, юные следопыты, домохозяйки, педагоги, демагоги — широкие слои населения. В общем, пропал микроб. Канул. То ли спор был ядовитее химических соединений, то ли микроб так странно повел себя с голоду.

Теперь ученые весь сезон устраивают в Крыму экологические конференции и тоскуют по утраченному микробу. Если в прошлом году они просто ругали Минхимпром и другие ведомства, то нынче слышны конкретные, деловые призывы. Они призывают изучить врага, чтобы знать, как с ним бороться. Себя при этом тоже критикуют: мы, мол, из-за отсутствия гласности огульно называли эти вредные соединения ангидридами да нитратами, а кто знает, которое из них действует на мозг, а которое — на мочевой пузырь? Вот давайте изучим их персонально, выступаем для каждого соответствующий антимикроб с хорошим аппетитом и начнем бактериологическую войну.

Что будет при этом с нами, дикарями, они, конечно, не подумали. Представляете, лежим мы на пляже, слегка почесываемся, воображая, что это нас ветерок щекочет или солнышко припекает, а на самом деле зудится оттого, что на этом месте схлестнулись злые микробы с ядовитыми ангидридами и поедом другу друга едят. Ладно еще, когда снаружи, а как быть, если изнутри засвербит, в селезенке или, не дай бог, в спинномозговом канале?

Одна надежда, местные власти такого не допустят на вверенной территории. Они хоть и прислушиваются к ученым спорам, но на микроб, по всей видимости, не особенно надеются. Они сражаются в основном бумажным оружием. Не так давно председатель облисполкома попытался уязвить очередным письмом министра. Дескать, столько-то тысяч тонн вредных веществ местным населением вкупе с отдыхающими уже проглочено, столько-то тысяч гектаров сельхозугодий захимичено, а министерство уж больно грандиозно планирует расширять свои предприятия.

Нельзя ли, мол, удовлетвориться достигнутым, поскольку Крым все еще числится всесоюзной здравницей?

И не так долго заставил себя ждать ответ, подписанный заместителем министра химической промышленности. Он сообщает, что разработаны мероприятия по улучшению, комплексы по уменьшению и очень красивая схема охраны природных ресурсов. Из его ответа вытекает, что удовлетвориться достигнутым никак нельзя, а производственная необходимость понуждает Минхимпром вытравить в Крыму все живое.

Подобные письма облизполком разослал руководителям доброго десятка министерств, которые, будто сговорившись, приращивают могущество своих отраслей Крымом.

Правду сказать, ни одно министерство не отмолчалось. Каждое ответило, что насчет всесоюзной здравницы оно очень даже хорошо понимает, но без собственного предприятия в Крыму дальнейшее развитие тоже не мыслит. Оно даже согласно на свои деньги охранять от своего же предприятия окружающую среду. А что касается расширения производства и нового строительства, то они предусмотрены пятилетним планом, который надо не обсуждать, а только выполнять. По чьему злому умыслу это строительство попало в пятилетний план, министерство не сообщает.

В общем, выходит, все мы против вредных химических предприятий, но продолжаем назло самим себе губить уникальную природу Крыма. Ведь на одни убытки, которые приносят здешние предприятия, можно построить больше комфортабельных отелей и зон отдыха, чем в какой-нибудь там Ницце или Флориде. И они, кстати, могут дать хорошую прибыль. Однажды ваш корреспондент услышал в Ялте разговор двух иноземных граждан. Они нахально подсчитывали, сколько денег можно выкачать из Южного берега Крыма, если приобрести его в собственность. И пришли к выводу, что в Крыму русские дикари лишь имитируют всесоюзную здравницу, а настоящие курорты замаскированы где-нибудь в окрестностях Северного полюса. Они были очень довольны и раскатисто, не по-нашему, ржали.

И пока будет так, весь цивилизованный иноземный мир не устанет над нами, дикарями, смеяться.

РАССКАЗЫ

ОБМАН

Мастер строительного управления мчался, как спринтер, почуявший золотую медаль.

— Быстрей! — заорал он, подбегая к крановщику дяде Васе и пытаясь ухватить его за рукав.

— Чего быстрей, коли у Востроухова дупель сидит?

— Прораба старшего прихлопнуло!

— Теперь, стало быть, нового поставят?

— Хорошо бы женщину в прорабы, — заметил сидящий слева Востроухов, искоса поглядывая на свой дупель.

— Один черт, — скептически отозвался дядь-Васин напарник, — премию не прибавят.

— А этого куда же? — заволновался мастер. — Его же только плитой прихлопнуло! Залез он в водопроводный колодец, а тут сверху плита и шмякнись!

— Вот те на! — удивился дядь-Васин напарник. — Обыкновенный прораб там столько раз лазил — и ничего, а на старшего сразу угадало.

— Доставать его надо! Кран подгоняйте!

— Сейчас, — откликнулся дядя Вася, — Востроухову уже десять очков до «козла» осталось... А ты пока червонец вынимай.

— Да вы что, не опохмелились сегодня?! Это за одну плиту червонец?

— Да ведь у тебя под ей старший прораб! — напомнил дядя Вася.

— Червонец за старшего прораба недорого, — поддержал дядь-Васин напарник. — Вот если бы мастер...

— Ладно, будет, скорей только!

— А я за «будет» с прошлого года не работаю, — объяснил дядя Вася. — Намедни одному тоже трубы грузил, так он шестьдесят три копейки недодал... А ты — «будет»!

— Так ведь дело-то общее, дядь Вася! Не один же я червонец стану выкладывать. После и соберем. Быстрей, а?

— Заладил: быстрей да быстрей. Я вот коли уйду, сядет какой ни есть губошлеп, а у Востроухова дупель — гляди, он уже обрадовался, даром, что без десяти очков «козел». А червонец сейчас и клади. Намедни один также шестьдесят три копейки недодал...

— Так ведь прораб старший!

— А ты не сепети, не сепети, чего прораба везде суешь? Ты меня плитку убирать подряжаешь за червонец, а какое мне дело, что у тебя под ей засунуто?

— Эх, пропадай все! — решился мастер, и в руке его жалобно захрустел денежный знак.

— Оно, конечно, у Востроухова дупель сидит, — оживился дядя Вася, — да опять же прораб под плитой находится...

И, поглубже упрятав червонец в карман, резво полез в кабину. Осиротевшая компания бросила игру и двинулась к месту происшествия.

— Теперь бы женщину в старшие, — повторил Востроухов, окинув взглядом трехтонную плиту.

— Ничего, может, и этого еще достанем, — возразил дядь-Васин напарник.

— За червонец эту плитку и с места не сдвинешь, — не сдавался Востроухов.

— Много ты понимаешь! — упорствовал дядь-Васин напарник. — Он вот вылезет и еще доплатит. Если человек честный.

— Зацепляй! — крикнул из кабины дядя Вася.

Кран вздрогнул, поднатужился, плита приподнялась, и взглядам открылся темный, пустой колодец.

— По трубам уполз! — ахнул Востроухов.

— Много ты понимаешь... — неуверенно возразил дядь-Васин напарник.

— Обман, гляжу, получается, — нахмурился подоспевший дядя Вася.

— Получается! — огрызнулся мастер. — А как иначе в колодец залезешь? Вот-вот комиссия нагрянет, а вы... И так червонец ни за что содрали.

— Червонец, оно, конечно, дороговато за плитку, ежели без прораба, — подумав, согласился дядя Вася, — да ведь у Востроухова-то дупель сидел!

КРОКОДИЛ

Раньше мы с Васькой культурно отдыхали. В бассейне. Другой дурак сложится на троих — и в подъезд. В общественное место. А там милиционер: прогуляемся, мол, в отделение — здесь недалеко...

А мы отдыхали в бассейне.

Но один раз случилось. Из-за Васьки, конечно. И еще из-за одного пресмыкающегося.

Ну, заходим в бассейн «Москва». Первую бутылку в душевой окучили, а вторую — не совсем. Заткнули пробкой и в воду отправились.

Бассейн, конечно, хитро устроен, на свежем воздухе. Кругом осень, а мы в горячей воде прохлаждаемся. Я из бутылки отхлебну, заткну пробкой — и Ваське швыряю. А Васька потом обратно мне. Целый час надо так швырять, потому что деньги за час плачены. От воды, правда, пар идет, ни черта не видно. Кругом люди плавают.

Но вот летит ко мне бутылка, а тут голова в очках появляется. Бутылка об нее — шлеп! — голова и потонула. Тут я, правда, не выдержал, вынимаю ее со дна.

— Ты что же это, — у головы спрашиваю, — кумпол свой подставляешь? Ведь у нас бутылка могла об тебя лопнуть?

— Извините, — оправдывается, — задумался. Туман от воды сильный.

А тут Васька подплывает.

— Чего, — орет, — с ним вожжаться? Пихай его назад в воду!

Я, правда, и сам так думаю, но слышу — сопит возле уха. Оборачиваюсь кругом — пасть из воды торчит! А над ней два живых глаза светятся. Конечно, узнаю — это крокодил. Иначе некому. Я вообще-то крокодилов не боюсь, когда они нормально за решеткой отдыхают. А здесь такое дело — и с ума сойти недолго. И сердце прыгает. И в мозгах слабость. А Васька, гад, в туман ушел.

— Ты чего же это, — Ваське ору, — не видишь? А если эта гадина меня сейчас укусит?

— Ладно, — Васька орет, — если тебя. А вдруг меня цапнет?

— Сволочь ты, — ору, — а еще вместе пили!

Но крокодил хвостом шевелит, а рылом меня к выходу подталкивает.

Ладно, плыву. А он над ухом сопит.

Подходим к берегу, я из воды пулей, а тут уже администрация собралась. И милиционер приглашен. Я, правда, к нему бросаюсь сразу.

— Ты, — кричу, — если что, в глаз его стреляй! Крокодилы, они по-другому не понимают!

А милиционер ржет. Крокодил, правда, спокойно у берега плавает. Тут я малость очухался. И на директора:

— Зачем вы, — кричу, — в бассейн всякую гадость пускаете плавать? В бассейне, — кричу, — порядочные люди находятся!

— Почему же, — директор говорит, — гадость, когда это наш сотрудник?

— Что же это вы, — кричу, — звери, делаете? Ведь он у вас всех клиентов поест!

— Не поест, — директор говорит, — он у нас к мясному не приучен...
Вегетарианец, но за порядком, однако, наблюдает.

А крокодил сопит. И бутылку нашу в пасти держит.

— Вещественное доказательство. — Милиционер говорит. И бутылку у него из пасти забирает.

Тут я совсем ошалел.

— Да вы, — кричу, — что доказывать-то собираетесь? Надо уголовное дело составлять! Тут живого человека чуть не съели!

Здесь крокодил и выдал. Маску снял и выдал.

— А вы, — говорит, — указ читали? Об ответственности за...

Тут я, правда, сник. Вот, думаю, до чего техника дошла! От вздрагивающего ни за что не отличишь.

А крокодил обратно уплыл, Ваську доставать.

Но Васька ему, конечно, не дался. Васька от него из бассейна на мороз в голом виде высигнул и ушел через забор, себя не пожалел.

Теперь мы с Васькой опять в подъезде отдыхаем Культурно. А другой дурак сложится на двоих — и в бассейн...

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕЛЬЕТОНЫ

Тема с секретом	2
Рыбкина контора	7
Делай лучше нас!	11
Не сторож я, директор...	14
Проректор на шабашке	19
Попрыгун	22
Схватка с дефицитом	25
Игра в страуса	29
Пожалуйте бриться!	32
Дикари	36

РАССКАЗЫ

Обман	41
Крокодил	44

ПОДКОВА Виктор Петрович

РЫБКИНА КОНТОРА

Фельетоны, рассказы

Редактор Ю. Б. Б о р и н

Техн. редактор Л. И. К у р л ы к о в а

Сдано в набор 01.02.89. Подписано к печати 21.03.89.
А 00254. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10
Усл. кр.-отт 2,45. Уч.-изд. л. 2,88. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 165. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.